МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
Чистопрудный бул. 2. Телефон 96-69

Вырезка из газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 3 ОСЕН. 42

Москва Газета №

В ПРОГРАММЕ — ЛЕРМОНТОВ

НА КОНЦЕРТЕ Н. ПЕРШИНА

В лермонтовской программе концерта Н. Першина были фрагменты из «Героя нашего времени», «Песня про купца Калашникова» и «Тамбовская казначейша».

Мастера художественного чтения, пожалуй, — самый подвижной отряд нашего боевого искусства. Они легко проникают в любую аудиторию, действуют в любых условиях. Тем важнее, следовательно, вопрос о полной действенности литературных программ.

Концерт начинается. Н. Першин исполняет фрагменты из «Княжны Мери». Он порой опускается в кресло, передавая раздумья Печорина; порой стремительно встает, чтобы оттенить нарастающую силу диалога; порой ходит по эстраде, желая подчеркнуть движения героев. Все это было бы справдано в «театре чтеца», если бы в очень своеобразном и очень тонком искусстве художественного чтения всякая нарочито принятая поза не казалась манерной, а всякий внешний аксессуар не ощущался как помеха главному. Об этом невольно думалось, когда чтец «перелистывал» перед слушателями страницы «Княжны Мери». Эти мысли крепли по ходу концерта.

Н. Першин читает «Песню про купца Калашникова» с музыкальным сопровождением (партия фортепиано — Е. Якобсон). В принципе здесь возможно интересное решение. Но стоит ли возрождать мелодекламацию, давно и справедливо преданную забвению? Н. Першин читает, а порой мелодекламирует «Песню» на фоне музыки из одноименной оперы А. Рубинштейна. В свое время эта музыка была сурово осуждена передовыми музыкантами за отсутствие в ней русских народных начал. Какая неблагодарная задача воскрешать эту абстрактную и холодную музыку, чтобы вплести ее в одно из самых народных произведений русской поэзии!

Поиски новых, внешних «красок» привели в данном случае и к другой серьезной ошибке. Н. Першин обрывает чтение на словах поэта о том, что мимо могилы Калашникова «... пройдут гусляры — споют песенку». Под звуки рояля артист напевает эту песенку. И кажется она банальной, псевдонародной попевкой. Так подменяет исполнитель воистину музыкальный финал лермонтовской «Песни», когда поэт, отдав дань величавой старине, богатырской силе и размаху народных чувств, заканчивает произведение славой русскому народу.

В исполнении «Тамбовской казначейши» музыке и мелодекламации вновь была отведена почетная роль. В тексте поэмы упоминается как штрих военного быта марш из оперы «Два слепых» Мегюля. И вот, идя от этой «ремарки», исполнитель щедро насыщает французской музыкой... тамбовскую эпопею. А вслед за тем в текст поэмы вкрапливается и русский романс, правда, на лермонтовские слова, но не имеющие ничего общего с поэмой.

Артист читает «Тамбовскую казначейшу» легко, весело. Музыка вторит в тот же тон. И вся поэма звучит в такой интерпретации только как легкий, как забавный анекдот. Невозвратно теряется ощущение того скверного анекдота, который был уделом мутной уездной жизни и мертвого застоя. А против них и направил поэт всю взрывчатую силу своего гения.

Каковы же выводы? Першин плох? Совсем нет! Артист по-настоящему талантлив. Надо слышать, с какой огромной внутренней силой передает он размышления Печорина перед дуэлью — труднейший для исполнения фрагмент. Першин блестяще читает монолог Калашникова. С живым юмором рисует он портреты бравого улана и старого плута-казначея в «Казначейше».

Но все это — отдельные моменты, которые приходят тогда, когда артист побеждает собственную тягу к внешнему, порой лишенному вкуса эффекту. Н. Першин усердно ищет этих эффектов, словно боится поверить в себя, в свои большие творческие силы. А напрасно! Ибо путь перед ним — большой и широкий.

А. Новиков.